

16+

Рина Вернер

На перекрестке двух дорог

Рина Вернер

На перекрестке двух дорог

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вернер Р.

На перекрестке двух дорог / Р. Вернер — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-99165-1

Удивительные вещи происходят постоянно у нас под самым носом: кто-то их не замечает, а кого-то этот вихрь поглотил и не отпускает до самого конца. Порой этот конец не наступает никогда.

ISBN 978-5-532-99165-1

© Вернер Р., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Адская ошибка	5
Проклятье детства моего	7
Я ненавижу пиратов	8
Русские традиции	9
Плюсы	10
Часть 1	10
Часть 2	11
Быть	14
Часть 1. Клетка	15
Часть 2. Завтра. Ты уверена?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рина Вернер

На перекрестке двух дорог

Адская ошибка

– Вы кого мне приволокли?! – кричал Дьявол, размахивая в воздухе какой-то бумажкой. – Я просил забрать Шорохова, а не Дорохова!

– П-простите, наш Повелитель, – двое чертей склонились в подобострастном поклоне. – Мы сейчас же все исправим!

– Вы видели, что он творит в моём Аду?! Это безобразие! Немедленно переписать все бумаги и отправить этого ненормального на посмертную развилку. И убедитесь, чтобы он к нам не вернулся!

– Да, Господин.

Черти мгновенно смылись, не желая больше маячить перед глазами разгневанного владельца подземного мира. Одного из них звали Рогатый. Его витиеватые рога прославились в Аду своей длиной и прочностью. Второй носил имя Хвост. Уж что-что, а хвост у черта был что надо. Длинный, изящный, сильный, да еще и послушный.

– Что делать-то будем? – спросил Рогатый у своего приятеля.

– Для начала найдем этого благодетеля Шорохова, тьфу ты, Дорохова. Почему у этих людишек такие похожие фамилии, совсем фантазию отбило, что ли?

– Да чихать я хотел на их выдумки. Куда ярче будет фантазия Дьявола, когда он придумает нам наказание, если мы не справимся в срок.

– Это ты верно подметил, пора действовать.

Два черта подошли к месту регистрации душ, где оставили вышеупомянутого Дорохова, но к общему ужасу на месте его не оказалось. Рогатый обратился к стоящей за столом чертовке.

– Яблочко мое, – едва сдерживая раздражение, ласково проворковал он, – а куда же делся наш добрячок?

– В котельную направился, – последовал мгновенный ответ.

– Господи! – взвыл Рогатый.

– Не поминай Бога всуе, – заметил Хвост и потащил друга за собой.

На месте два черта ошарашенно замерли. Дорохов, наивная душа, дружелюбно предлагал грешнику, варящемуся в котле, попарить его веником.

– Банька у вас знатная, – заметил Дорохов.

– Мужик, ты че? – грешник перевесился через край котла. – Я вообще-то здесь наказание отбываю.

– Прямо в горячей ванне? – не понял Дорохов.

– В кипящем котле, дурень, – грешник отвернулся от непонятно откуда взявшегося мужчины и продолжил свое дело.

– Уважаемый, – Хвост и Рогатый подхватили доброжелателя под руки и потащили от греха подальше, – а мы тебя, голубчик, потеряли.

– Друзья мои, – заулыбался Дорохов, – у вас тут так здорово.

– Да кто бы сомневался, что тебе понравится, – отозвался Хвост.

Черти уже почти доставили мужчину к регистрационному столу, как Дорохов вдруг заметил лестницу.

– А там что?

– Там? – уточнил Хвост, тыча хвостом в указанном направлении. – Туда тебе точно не надо, это следующие круги Ада.

– Ты и так глубоко забрался... с твоей-то чистотой, – мило улыбнулся Рогатый и, наконец, отпустил Дорохова. – Яблочко, оформи возврат, пожалуйста.

– Сейчас будет, – чертовка зашуршала бумагами и, вытащив несколько нужных бланков, мгновенно заполнила их. – Подпишите здесь и здесь.

Рогатый, не медля ни секунды, все сделал и поставил печать.

– Ну, Дорохов, – радостный Хвост начал выпихивать мужчину наверх, – уходи и не возвращайся. А то бедный привратник навсегда заикой останется.

– Ага, – поддержал коллегу Рогатый, – в его лодке еще никто так радостно не прыгал.

– Друзья мои, так мы больше не увидимся? – расстроено спросил Дорохов.

– Иди уж с Богом, тебе совсем в другую сторону, – произнес Хвост.

Проклятье детства моего

– Опять ноешь? – спросил Крокодайл у самого себя, нависая над ребенком. Тогда ему было пять лет, и сейчас он смотрел в свои собственные глаза, еще блестящие детской надеждой.

– Я-я-я...

Мальчик Гена заикался и плакал, захлебываясь в собственных слезах. По щекам стекали соленые капли, смешиваясь с ручьями крови. Этот шрам останется на всю жизнь...

– Какой же жалкий ребенок, – вздохнул Крокодайл, скрещивая руки на массивной груди, – удивительно, что ты остался жив. Такие люди надолго в большом мире не задерживаются.

Генка продолжал реветь и трогать свое изуродованное лицо. Он пытался уцепиться за полы плаща более старшего себя, но Крокодайл резко отдернул одежду. Мужчина видел истерику и бешеный ужас в своих же глазах. Он помнил все до мельчайших деталей. Такие вещи не забываются никогда.

– Ты так и будешь смотреть, как об тебя вытирают ноги? – Крокодайл с презрением произносил каждое слово. Он испытывал отвращение к самому себе, но при этом ощущал дикую боль. – Подотри сопли, щенок...

– Я хочу стать сильнее! – взвыл ребенок в небо, задыхаясь от бессилия.

– Тогда заканчивай реветь, сопляк. Ты выглядишь ничтожно, – буквально выплюнул слова Крокодайл, сверля ребенка холодными глазами. Немигающим взглядом Крокодайл смотрел на маленького себя. Чувства в голове смешались. Жалость, гнев, ненависть, сострадание... Наконец он положил руку на плечо мальчика:

– Посмотри перед собой. Что ты видишь, Геннадий?

– В-вижу... вижу землю. Огонь. Море...

– Запомни эту картину на всю жизнь, – глядя в ту же сторону, произнес Крокодайл, – а этот момент – как переломный. Ну же, возьми себя в руки!

Ребенок вытер слезы кулаком. Рука окрасилась в красный цвет, кровь стекала до локтя и капала под ноги. Занимался рассвет. Солнце вставало прямо над водой, окрашивая море красным оттенком.

– Запомнил? – рыкнул Крокодайл.

– Угу, – шмыгнул носом мальчик.

– Тогда топай отсюда. Теперь все будет по-другому.

Я ненавижу пиратов

– Я ненавижу пиратов!

Нао присела на корточки перед маленькой девочкой. Золотистые локоны поблескивали в лучах заката, пронзительные синие глаза блестели от слез. Яркое летнее солнце нагрело песок так, что стоять босиком было сложно. Тени постепенно удлинялись. За спиной навигатора стояли двое: капитан улыбался, старпом хмурился, глядя на Нао.

Она вздохнула и произнесла:

– Знаешь, сколько раз мы слышали эту фразу? Сколько раз люди кричали: «ненавижу пиратов», «никогда не приму помощь от пирата», «ни за что не прикаснусь к еде, которую приготовил пират», «не сяду рядом с пиратом». А мы... мы уже не обращаем внимания. Давно привыкли, что пиратов считают злыми. Это вполне оправданно... Ты ведь лишилась кого-то?

– Мою маму убили пираты! Они просто взяли и выстрелили в нее.

Нао хотела коснуться плеча девочки, но та отшатнулась.

– Как тебя зовут?

– Мое имя – Ли.

– Я тоже...

Ли непонимающе взглянула на девушку.

– Она тоже лишилась матери по вине пиратов, – вставил свое слово старпом.

– Но...

– Почему я сама стала пиратом? Это сложно объяснить. Просто наш капитан, хм... особенный.

– Как это?

– Он – необычный пират. Он... Я не знаю. Не буду тебя убеждать, что пираты бывают хорошими. Нет. Но будь ты пиратом или дозорным, бандитом, разбойником или мирным гражданином... дело совсем не в этом. Ну... если совсем просто, то люди делятся на плохих и хороших. А наш капитан... он мешает тем, кто поступает моральными принципами, и помогает тем, кто действительно в этом нуждается. И плохие мы или хорошие решать не нам.

Ли вытерла слезы, в глазах маленькой девочки появилось что-то, похожее на надежду.

– А вам, – Нао протянула малышке руку.

И Ли, наконец, улыбнулась.

Русские традиции

– Бармен! Наливай по-человечески! – крикнула белокурая женщина, придерживая сигару уголком губ. Паренек за стойкой бара покосился на посетительницу, но ничего не сказал и молча подлил ей в стакан.

– Так намного лучше, – довольно фыркнула Ольга, по прозвищу «Балалайка», доставшемуся ей еще в армии, где она играла на этом инструменте в военном оркестре.

– Любите выпить? – держа в руках стакан с золотистой жидкостью, по всей видимости, это был коньяк, к женщине подсел представительный мужчина с массивным крюком вместо руки.

– А что? – Ольга ответила так, будто вопрос был личным оскорблением.

– Просто спросил. Я составлю Вам компанию?

Женщина пожала плечами. Однорукий махнул бармену, а она вынула из плаща пачку с надписью «Гавана» и предложила сигару мужчине, который принял ее без колебания. Затем кинул плащ на соседний стул и повернулся к Ольге. Обмениваться любезностями он не собирался, да и знакомиться тоже. Просто захотелось хоть как-то скрасить одинокий вечер.

– Может, что-нибудь не такое крепкое? – предложил Однорукий Ольге, но та решительно отказалась, обосновав тем, что не хочет понижать градус.

– Скажешь какой-нибудь тост? – спросила Балалайка. – Или мне самой?

– Это обязательно? – мрачно поинтересовался Однорукий.

– Конечно! Это одна из русских традиций.

– И откуда только такая дурь берется?

Ольга неприязненно покосилась на собеседника и ответила:

– Считалось, что когда произносишь тост и чокаешься, жидкости в стаканах смешиваются. Этим ты показываешь, что не желаешь отравить собутельника.

– Кто же тебя здесь отравит? Ну вы русские и параноики...

– Учись уважать чужую культуру, – буркнула Балалайка, – никогда не знаешь, откуда прилетит к тебе счастье. Порой незнакомцы могут стать опорой, а близкие люди проблемой. Так что, не зарекайся. Да и вообще, ты слишком самонадеян для человека без руки и со швом на все лицо.

– Не переходи на личности.

– На войне все средства хороши.

– Так ты тоже человек военный? Тогда давай выпьем за мир. Нам всем его не хватает.

Балалайка и Однорукий с силой ударили стаканами и осушили сосуды до дна.

Плюсы

Часть 1

«Что всегда говорила тетушка? – пронеслось в голове у Риты. – Во всем нужно искать плюсы».

Такую позицию Маргарита Орлова приняла уже давно, с самого детства повторяя как мантру. И плюсы действительно находились. Положительные моменты в любой беде раскрывались перед девушкой, заставляя увидеть мир по-другому. Наверное, поэтому она и выросла такой жизнерадостной – сказывалось тетушкино воспитание. И жить всегда становилось проще.

Сидя в гостиной теперь уже собственного особняка, Рита пыталась увидеть это «хорошее» прямо здесь и сейчас, но пока были заметны лишь одни недостатки. В голову лезли печальные мысли, выжимая слезы, но девушка держалась изо всех сил. Все, что произошло в доме после ее приезда – сплошная катастрофа, в которой нельзя обнаружить даже капельку спокойствия, не говоря уже о радости. В таком состоянии застал ее вошедший в комнату Виктор. Помощник детектива на ходу листал документы, поэтому не сразу заметил девушку, сидящую на кровати с грустным выражением лица. Виктор присел рядом с ней на корточки, складывая бумаги прямо на пол.

– О чем думаешь?

Рита неловко разжала руки и откинулась на спинку дивана, а Виктор подсел к ней. Запрокинув голову и глядя в потолок, девушка ответила:

– Я думаю о том, что со мной уже давно не происходило ничего хорошего. Тетя Аня... Боже мой, все это похоже на страшный сон.

Виктор осторожно сжал руку девушки, стараясь поддержать без слов. Уж сколько скорбящих родственников он видел за свою жизнь! Рита нуждалась в ком-то, кто вытрет ей слезы и скажет, что жизнь продолжается.

– Постараюсь быть с тобой честным, – Виктор коснулся плеча девушки, – у нас нет сейчас никаких зацепок. И Николаев убьет меня, если узнает, что я тебе это сказал. Но обещаю, нет, Рита, клянусь, что найду того, кто убил твою тетю. Это все, что я могу.

В лице помощника детектива девушка увидела столько искренности, что сердце ее невольно дрогнуло.

– Спасибо, – она взяла его ладонь в свои руки, пытаясь выразить всю признательность, а потом вдруг добавила. – И спасибо еще вот за что. Я, наконец-то, нашла главный плюс всего произошедшего. Это ты, Вик! Ведь в иных обстоятельствах мы бы никогда не познакомились.

Он расплылся в улыбке и обнял Риту, а девушка прижалась к нему, пряча лицо на груди детектива.

Часть 2

Большой загородный особняк, некогда наполненный шумом и весельем, опустел. Убийцу посадили, остальные предпочли уехать, стараясь выбросить из головы страшное событие, случившееся здесь. Как новая хозяйка дома, Маргарита Орлова осталась здесь, понимая в душе, что одной ей никак не потянуть этот огромный дом. И давно бы уже следовало его продать и тоже уехать, только слухи расходятся быстро, и никто не хочет жить там, где был убит человек. Часто Рита сидела в пустом зале, думая, как же так получилось: все события в итоге закончились, а после не осталось ничего. Неужели их держала вместе только смерть и поиск убийцы. Каждый разъехался кто куда, будто и не было этого совместного расследования. Маргарита до сих пор очень ярко помнила последнюю встречу с Виктором, который выглядел уныло и потрепанно.

– Вот и все, – сказал он тогда, стоя около машины, – мы справились. Я выполнил свое обещание.

Виктор должен был уехать, но без раздумий остался бы, произнеси девушка хоть слово. Но она молчала, наблюдая, как он садится в машину и скрывается за горизонтом. Медленно, будто все еще ждет чего-то, но необратимо. И месяц за месяцем Рита мысленно возвращалась к тому эпизоду, который она запомнила во всех подробностях. У нее никак не получалось выкинуть из головы помощника детектива, как она ни старалась.

Согревая замерзшие руки о чашку с чаем, девушка наблюдала за покачивающимися камешками на люстре. Из плохо закрытого окна тянуло холодом. Она подошла ближе и отдернула занавеску. На улице выл морозный ветер, гоняя снег с бешеной скоростью. В такую погоду едва ли можно было увидеть что-то кроме разгулявшейся стихии. Большой дом прогреть тяжело, поэтому в комнатах, где не имелся камин или какой-нибудь обогреватель, находиться было невозможно: даже пальцы немели от холода. Надавив на оконную раму, Рита плотнее прикрыла окно, а потом вернулась к огню, присев на корточки и выставив ладони вперед. Бревна потрескивали в камине, разнося по комнате приятный аромат хвойной древесины. Девушка прикрыла глаза, живо восстанавливая в памяти момент, когда здесь, на этом же самом месте, несколько лет назад она самозабвенно любовалась, как огонь отражается в зрачках Виктора. Он ласково гладил ее по спине, а девушка говорила о чем-то безусловно важным тогда. Только вот тема разговора в мыслях не сохранилась, а его нежные руки – да.

Грустно осознавать, что в своих проблемах виновата ты сама. Он относился к ней серьезно: любовные признания, постоянные знаки внимания, незабываемые дни и ночи. Она же не смогла произнести простого «останься». Рите хотелось переложить ответственность на него: «знал ведь, что люблю его», но Виктор был детективом, поэтому исходил из фактов. А факты были такими: Маргарита молча провожала его.

Глаза защипало, но плакать она не стала. Надоело. Изо дня в день эти стены впитывали в себя боль и слезы, пора с этим покончить. Из кармана на кафельный пол с характерным звуком выпал телефон.

– Сколько же ты со мной прошел, – девушка грустно усмехнулась, – от отказа в работе до покушения на мою жизнь. Как ты еще не сломался?

На секунду показалось, что разговор с телефоном – высшая степень отчаяния. Рита хотела спрятать мобильник опять в карман, но вдруг замерла. Дрожащими пальцами девушка открыла телефонную книжку. Контактных скопилось множество, не вводя имя в поисковую строку отыскать там нужного человека было невозможно. Она помнила, как когда-то давно Виктор сам дал ей свой номер. А еще у нее есть его рабочий телефон. И если сейчас ему позвонить, то...

«То что? – Рита устало потеряла переносицу. – Что теперь он может сказать? Столько лет за спиной, почему я звоню? Может быть, за это время все номера изменились?»

Рита зажмурилась, подошла к комоду и оставила мобильник на нем. Нет, она не будет звонить. А завтра удалит все его контакты.

«Нельзя просто так отпускать человека, а потом снова врываться в его жизнь. За это время могло произойти что угодно. В конце концов, Виктор мог просто-напросто жениться!» – от этой мысли стало как-то особенно неприятно. Подбросив деревяшек в гаснущий камин, девушка попыталась успокоиться. А потом резким порывом бросилась к телефону, за секунды найдя нужный номер.

Гудки...

Руки тряслись, поэтому, чтобы не выронить мобильный, Маргарита включила громкую связь и положила телефон перед собой.

«Что я делаю?»

– Да? – послышался одновременно знакомый и, всё же, слегка изменившийся голос. – Я слушаю.

Рита молчала, в голове сотни раз повторялись его слова. Девушка хотела ответить, но в горле пересохло от волнения.

«Что ему сказать? – она лихорадочно перебирала варианты. – Виктор бросит трубку, если я не выдавлю из себя хоть что-то. Ну же, Рита, соберись! Ты сама решилась на это, так иди до конца!»

С такими мыслями девушка напряженно слушала гудение телефонной трубки.

– С Вами все в порядке? Я могу как-нибудь помочь?

«Сейчас или никогда!»

Голос охрип. Маргарита не узнала саму себя:

– Приезжай ко мне.

Стало ужасно тихо, будто перекрыли разом все источники шума. У нее заложило уши, сердце пульсировало в висках.

«Это самое глупое, что я могла сказать! – девушка запаниковала. – А если он меня не узнал?!»

Она сбросила звонок, не дожидаясь какого-либо ответа.

Сдерживать слезы было физически невозможно. Чувствам нужно было вырваться наружу. Как, если не через душераздирающий плач? В последние годы далеко не первый и вряд ли последний.

Чай безнадежно остыл, поэтому, вытирая красные заплаканные глаза, Рита взяла чашку и отправилась на кухню, чтобы подогреть чайник. Девушка понимала, что выглядит не лучшим образом. Хорошо, что никто ее не видит. Она долила в чашку кипятка.

– Необходимо уехать отсюда!

Рита все больше обдумывала идею бросить этот дом. А вместе с ним все воспоминания: и плохие, и хорошие.

– А теперь я пойду спать, – сказала она самой себе.

Вечера Маргарита не любила. Они всегда заставляли зябко ежиться и грустно вздыхать. Выйдя в коридор, девушка задержалась у лестницы, положив руки на перила. Пальцами погладила рельефную балясину, почему-то не в силах заставить себя подняться. Ноги подкашивались от только что пережитого волнения.

Сначала Рита подумала, что ей показалось. Воспаленный разум мог подсунуть любое видение, но на этот раз были ясно слышны шум колес и скрип снега. Самая страшная галлюцинация – та, которую ты хочешь. Потому что сладостная неправда губит сильнее всего. В дверь постучали. Так нерешительно и осторожно, что у нее затрепетало сердце. Она медленно, боясь

спугнуть это расплывчатое наваждение, подошла к входной двери, со страхом потянув ручку. Частое дыхание – Виктор замерз и запыхался.

– Прости, в метель до тебя добираться очень долго, – выпалил он. Взгляд его останавливался то на помятой одежде, то на заплаканном лице. Детектив нерешительно переминался на пороге. Холодные порывы ветра вывели Риту из оцепенения. Она впустила гостя. Виктор шагнул в неповторимую атмосферу этого дома, чувствуя, как все внутри него меняется. Он неотрывно следил за девушкой, ловя каждое ее прерывистое и неловкое движение. И не мог наглядеться.

– Ты позвонила так неожиданно, – он попытался поймать ее взгляд, но Маргарита старательно этого избегала, – думал, ты давно меня забыла... Эй, милая, я скучал.

А как же скучала она! И каких усилий стоило не броситься прямо сейчас ему на шею.

– Я, – Рита запнулась, глаза снова начали слезиться, – я не могу без тебя.

Эти слова дались ей с большим трудом, но послужили спусковым механизмом для Виктора. Куртка была скинута прямо под ноги, детектив жадно прижал Маргариту к себе, покрывая ее лицо горячими долгожданными поцелуями. Девушка вцепилась в его одежду, боясь, что если отпустит, то этот момент растворится навсегда и больше никогда не вернется. Виктор не забыл ничего. Он прекрасно помнил этот дом, все до мельчайших деталей. Помнил Риту как самую прекрасную девушку в его жизни. Помнил их любовь, потерявшуюся так неожиданно. Как глупо было с их стороны оставить тогда все, как есть, пустить на самотек, и не бороться друг за друга. С возрастом пришло понимание, что упущено так много времени. А воссоединение было таким желанным.

БЫТЬ

АНГЕЛОМ

True love stories never have endings

Richard Bach

Часть 1. Клетка

«Сердце колотится сильно, мне страшно. Могла ли я когда-нибудь поверить, что такая живая и романтическая натура моей души будет рассыпаться стремительно и необратимо? Я и так руководствуюсь разумом гораздо чаще, чем сердцем; если ничего не изменится и дальше, то я просто рискую стать обычной стервой»,

– отрывок из личного дневника.

Прислонившись спиной к двери своей комнаты, Рея слушала, что происходит у родителей. Редкая тишина, они оба переваривают ситуацию, потом снова крики, глухие удары. Стук каблучков матери, порывисто перемещающейся по квартире. Рея молча вытерла глаза тыльной стороной ладони, размазывая по щеке черную, как смоль, тушь. Снова тишина. Пронзительная, режущая тонкими нитями и проходящая сквозь все тело. Ужасно болезненные мгновения. Раздается оглушительный рев, злые ругательства, в каждом слове – столько горечи. Она прижалась затылком к холодной деревяшке, сглатывая подступивший к горлу ком. В темноте ее комната вселяла какую-то обреченность, навевала усталость.

«Мои корабли романтики разбиваются о рифы реальности. Семейная жизнь уже не кажется мне такой волшебной и прекрасной. Я перестала верить в любовь. В детстве я так мечтала встретить своего принца и выйти замуж, а сейчас... я черствее»,

– отрывок из личного дневника.

Первое сентября. Начало учебы в одиннадцатом классе. Закончены последние школьные летние каникулы. Зоя держала в руках темный потрепанный блокнот, некогда называемый личным дневником. Она перечитывала первые страницы, каждое слово въедалось в мозг, впибалось длинными, ужасно острыми иглами. Как сильно меняется жизнь, как сильно меняется все.

Голос отца за спиной:

– Ты собралась? Жду в машине.

– Иду, – не оборачиваясь на заглянувшего в комнату мужчину, девушка захлопнула дневник и бросила его в камин, наблюдая, как страницы чернеют, а каждая закорючка-буква испаряется навсегда. Больше никакой романтики, никаких надежд.

«Я разочарована. Мне так хотелось любить и быть любимой, но на самом деле все это обман. Я столько лет следила за тем, что другие называли истинной любовью. Она и правда выглядит так?»

– последняя запись из личного дневника.

Огромные шкафы с книгами, бесконечно уходящие в темнеющий потолок, множество столов, гробовая тишина, прерываемая лишь шелестом страниц в его руках. Рея, закинув ноги на стол, решала что-то в своей тетради. Он посмотрел на ее записи и, забрав карандаш из рук девушки, спросил:

– Ты сегодня мне поддаешься или просто рассеянная, как несколько лет назад?

Она увидела полный бред, который написала, и огрызнулась:

– Самостоятельно ты никогда меня не догонишь, жалкий ангелок, даю тебе фору.

– Ты изменилась, – Ангел зачеркнул ровные буквы в тетради Реи, написал сверху правильный ответ и взглянул на внезапно растерявшую пыл девушку. Ее глаза наполнились грустью, и она поспешно отвернулась. Ангел тронул ее за плечо, заглянул в лицо:

– Я сказал что-то не то?

– Ты всегда говоришь не то, – сдерживая подступавшие слезы, девушка обернулась, пытаясь изобразить насмешливую улыбку. Ангел вздохнул, откладывая книгу, и накрыл своей ладонью глаза Реи. Та изумленно замерла.

– Можешь поплакать, никто не увидит, – произнес Ангел. Девушка зажмурилась, злясь на себя за свою слабость.

– Это ты во всем виноват, – по ее щеке стекла первая слезинка, капая на раскрытую тетрадь.

– Прости, – отозвался Ангел, и от его искренности она лишь плотнее сжала губы. Рея ненавидела свое прошлое, ненавидела воспоминания об ушедших днях, ненавидела того, кто осмеливался открыть рот, чтобы о чем-то напомнить. Но сейчас все плохое ушло. В пустой библиотеке был только Ангел – ее вечный соперник и самый близкий на земле. Ему – равному, готовому поддержать, даже не стыдно признаться в своей слабости. Рея вытерла рукавом глаза.

– Никогда не вспоминай этот момент, – еще прерывистым от слез голосом, с непонятым чувством на душе, пробормотала девушка. Ангел с ласковым спокойствием смотрел на нее.

– Хотел предложить тебе то же самое, – он улыбнулся, вновь возвращаясь к чтению, – мы еще не закончили с заданием. Ты в порядке?

– Более чем, – девушка загорелась азартом соревнования, с новой силой хватаясь за карандаш.

«Надеюсь, никто никогда не узнает, но я влюбилась. Не думала, что у меня это получится после всего, что было в моей жизни»,

– первая запись из нового личного дневника.

Часть 2. Завтра. Ты уверена?

Ангел взял руки девушки в свои, сидя перед ней на белоснежной кровати. Он тонул в бездонности ее глаз и улыбался, чувствуя тепло Реи. Энергия девушки окрепла, стала ярче. Теперь Ангел мог понимать ее максимально точно, во всех подробностях. Рея была легкой, сильной и очень решительной. И он не мог оторваться от нее – от той, которая сумела стать его сердцем и душой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.